

Военнопленные армии Наполеона в Астраханской губернии в 1812-1814 гг.

Вопрос о пребывании военнопленных Великой армии Наполеона в Астраханской губернии мы уже рассматривали в нашей работеⁱ, но в ней шла речь исключительно о поляках. Здесь мы продолжим освещение этого вопроса, но уже в отношении всех военнопленных. Чтобы не повторяться, сведения о поляках будут упоминаться лишь в общем контексте.

В Астраханскую губернию пленные прибывали в основном через соседнюю Саратовскую. Первые из них появились здесь в октябре 1812г., когда сюда вступила партия из одного штаб-офицера (польского шефа эскадрона Я. Суминьского), 15 обер-офицеров и 261 нижнего чина под конвоем солдат киевского гарнизонного батальона во главе с майором Грушевским. 19 ноября они пришли в Астрахань. 17 декабря сюда в сопровождении прапорщика тамбовского гарнизонного батальона Нудольского из Тамбова прибыли два генерала (поляк Т. Тышкевич и француз Ж. Пельтье), три штаб-офицера (француз полковник Мора, пруссак штаб-лекарь Мильдо, поляк шеф эскадрона Цван) и два обер-офицера. До 16 января 1813 г. в губернию из Рязани пришла еще одна партия из семи обер-офицеров и 230 рядовых под командованием поручика Мартыноваⁱⁱ.

Поступающие в губернию пленные оставались на жительстве в расположенных на тракте уездных городах Черном Яру и Енотаевске, следовали до Астрахани, а оттуда могли быть отправлены в находящийся восточнее уездный Красный Яр.

По запросу главнокомандующего в Санкт - Петербурге С.К. Вязмитинова астраханский гражданский губернатор С.С. Андреевский составил рапорт о находящихся в губернии на 15 февраля 1813 г. пленных. Из командирского состава здесь находились два генерала, три штаб-офицера (пруссак штаб-лекарь в начале февраля был освобожден), 24 обер-офицера. Среди них было 17 поляков, 10 французов, австриец и саксонец. Нижних чинов по рапорту насчитывался 491 человек, однако нужно учитывать, что сюда вошли уже освобожденные к этому времени пять испанских и 17 прусских рядовых, а четыре рядовых умерлиⁱⁱⁱ.

В 1813 г. в губернию прибыли еще шесть партий, состав которых показан в табл.1.

Таблица 1 Состав военнопленных, прибывших в Астраханскую губернию в 1813 г.

№	Время прибытия	Откуда	Партионный чиновник	Количество пленных			
				Штаб-офицеры	Обер-офицеры	Нижние чины	Женщины и дети
1	11.05.1813	Саратов			11	5	
2	1805.1813	Саратов	штаб-капитан Корнеев			199	5 женщин
3	10.06.1813	Балашов	прапорщик Савин		1	102	
4	10.06.1813	Саратов	губернский секретарь Ламухин			НО	
5	28.06.1813	Саратов	титularный советник Малое			200	9 женщин и 5 детей
6	1.08.1813	Вологда	квартильный надзиратель Федорчуков	2*	22	12	1 женщина

*Шеф батальона А.Ж. Хосселег и директор госпиталей Г.А. Бурсье.

Кроме них, до сентября в губернию отдельно поступил французский шеф батальона Л. Херберт, а весной 1814 г. из Вологды через Саратов прибыли еще 126 пленных неуставленных званий и наций.

Таким образом, Астраханская губерния официально приняла двух генералов, не менее семи штаб-офицеры и 58 обер-офицеров, 1119 нижних чинов, 126 пленных неуставленных званий, 15 женщин и 5 детей. Абсолютное большинство из них относилось к польской нации^{iv}.

Особый интерес представляют личности и образ жизни пленных генералов. О Тышкевиче уже говорилось в нашей предыдущей работе, а о Пельтье можно сказать следующее. Взятый в плен 22 октября в сражении у Вязьмы, он после некоторых перемещений был препровожден в Астрахань. Здесь, по его собственным словам, «горячо протестуя против давления, оказываемого на поляков, чтобы заставить их поступить на русскую службу... был препровожден в государственную тюрьму, где оставался до заключения мира». В действительности Пельтье в 1813 г. по распоряжению губернатора был отправлен в Красный Яр, где проживал со служителем в отведенной квартире. Он мог свободно перемещаться по городу и окрестностям, единственным ограничением было требование находиться в квартире после захода солнца. Материальное снабжение генерала заключалось в выплатах ему 3 руб. в сутки, что было весьма крупной суммой. За ним надзирал специально назначенный капитан городской инвалидной команды Митчик, а городничий Богомолов еженедельно рапортовал губернатору об именином пленнике. В апреле 1814 г. у Пельтье возник конфликт с Митчиком, который несколько раз брал у своего подопечного под предлогом займа сахар, чай, кофе. Когда после очередного требования Пельтье ответил отказом, Митчик запретил ему ходить в дворянские дома, принимать посетителей и даже рыбачить. Пельтье пожаловался городничему и тот вновь разрешил посещать дворян и заниматься рыбной ловлей, однако запретил приходить двум студентам для изучения французского языка, очевидно, опасаясь дурного влияния. Митчик же получил строгий выговор от командира Астраханского гарнизонного полка подполковника Костыгова с приказом воздерживаться впредь от подобных поступков^v.

Интересна судьба другого военнопленного — лейтенанта Жана-Батиста Гранье. Записанный как француз на вестфальской службе, в прошении губернатору от 12 мая 1813 г. он сообщил, что он «Иван Граниер, родом грек турецкого подданства и житель г. Смирны, православной веры. Четыре года назад поехал по коммерческим делам во Францию в г. Марсель, где французами насильно изъят в их службу. А дабы невозможно было мне от оной освободиться, отправлен в Вестфальское королевство, где и помещен на службу во 2-й кирасирский полк, в котором удостоен поручичьим чином. Взят в плен между Москвой и Коломною 15 сентября 1812 г. и в числе прочих приведен в Астрахань». Он просил губернатора ходатайствовать об освобождении из плена для возвращения в отечество, уверяя, что никогда не желал служить французам. В случае положительного решения вопроса, паспорт Гранье просил выдать для проезда через Таганрог^{vi}. Однако прошение осталось неудовлетворенным, и из плена он был освобожден вместе со всеми.

В числе прочих проблем военнопленных было обеспечение их в преддверии зимы 1813/1814 гг. теплой одеждой. Для разрешения ее в октябре из Санкт - Петербурга поступило распоряжение о предоставлении желающим офицерам под расписку по 100 руб., а немощным солдатам, не могущим самостоятельно заработать — по 10 руб. Таким правом воспользовались 32 офицера и 13 нижних чинов. Среди причин, признанных убедительными для получения пособия солдатами, значились: «за Старостин», «за обморожением рук и ног», «за болезнью в глазах»^{vii}.

Отдельно стоял вопрос о медицинском обслуживании пленных, так как врачей не хватало даже для нужд жителей. Иногда пленные болели и умирали либо из-за отсутствия медицинской помощи, либо из-за ее некачественности. Так, одного больного геморрагической лихорадкой хозяева квартиры «лечили» обливанием холодной водой, отчего он скончался. Было принято решение использовать для лечения военнопленных пленных же врачей, каковых в январе 1813г. в губернии оказалось двое — пруссак Мильдо и австриец Бургоний. Первый остался в Астрахани, второй был отправлен в Красный Яр. Аптекакам было приказано отпускать лекарства по их рецептам. Позже к работе присоединились их коллеги Руссо, Леборн и Вансович. В ответ на запрос Вязмитинова от 7 мая 1814 г. астраханский губернатор сообщил, что через губернские больницы за все время прошло 160 человек, из них умерли от болезней 15 нижних чинов. Кроме этого, один из пленных утонул в Волге, случайно упав в воду во время работ на пристани^{viii}.

Помимо телесного лечения, предпринималась забота и о душевном здоровье пленных. В декабре 1813 г. вице-президент Московского комитета Библейского общества Бантыш-Каменский прислал пять экземпляров Нового Завета на французском языке и один — на итальянском, прося губернатора «содействовать в деле доставления словес живота вечного в руки сих несчастных людей, дабы страна неволи их с благословением Божиим сделалась местом возрождения их духовной свободы». Тогда же из Санкт - Петербурга Библейским обществом было прислано еще 10 Библий и 49 Новых Заветов на французском, итальянском, немецком, голландском и греческом языках. Присланные книги передавались по

назначению^{ix}.

В мае 1814 г. в губернии появились две новые семьи, созданные пленными. В Астрахани в местной католической церкви (она сохранилась и действует по сей день) обвенчались французский рядовой Елоа Дегру с данцигской уроженкой Анной Ковальской. В Енотаевске женились рядовой Жан Губер и девица Марианна Энкен. Интересные подробности этого события можно найти в исследовании о войне 1812 года французского автора Сент-Илера, одна из глав которого посвящена судьбам некоторых пленных, с которыми автор общался либо знакомился с их неопубликованными рукописями.

Как говорилось выше, в январе 1813 г. в уездом Енотаевске была оставлена партия пленных, взятых в сентябре под Калугой. В их числе находился старший помощник хирурга французского 2-го кирасирского полка Луи Франсуа Эмманюэль Руссо, о котором, собственно, и повествует Сент-Илер. Правда, местом проживания пленных назван «город Саратов Астраханской губернии», но это явная ошибка. Здесь Руссо, благодаря своей профессии и личным качествам, пользовался заслуженным уважением как среди своих солдат, так и среди обывателей. Полученные за лечение местных жителей средства он использовал для нужд своих товарищей по несчастью. Однажды, удачно прооперировав одного молодого человека, Руссо договорился с отцом больного, производителем водки, об использовании пленных на его предприятии. За работу пленные получали суммы, равные 6 французским су в день, что было хорошим жалованием, так как фунт мяса, например, стоил всего 1 су.

Среди французов находилась 16-летняя девушка Марианна, попавшая в плен со своим отцом, фуражиром Жаном Эннекеном (в русских документах — Энке, Инге). Многие пленные помогали ей и оказывали различные знаки внимания, а Руссо называл ее «нашим приемным дитём». Однажды утром к Руссо явился лично преданный ему кирасир 25-летний Жан Губер, который занимался здесь прибыльным ремеслом портного и приобрел небольшой достаток. Молодой человек смущенно объявил своему покровителю о желании жениться на Марианне. Проблемой стала регистрация брака, так как в Енотаевске не было католического священника и даже временно отсутствовал городничий. Руссо взял с жениха слово немедленно по возвращении во Францию узаконить гражданское состояние, о чем был составлен соответствующий протокол, а также устроил приезд из Астрахани монаха-иезуита, который благословил молодых. После этого, в присутствии всех пленных состоялась блестящая свадьба. Кирасир и его жена, заканчивает свой рассказ Сент - Илер, сегодня (в 1846 г.) являются скромными собственниками, которые живут в окрестностях Парижа. В течение 34 лет они никогда не забывали ежемесячно посещать доктора Эмманюэля Руссо, к которому сохранили глубокую признательность^x.

Военнопленные имели возможность поддерживать связь с родиной с помощью почты. Письма, иногда с деньгами, получали генерал Тышкевич (1175 руб. и 1800 руб.), капитан Гейзвйт ван дер Неттен, капитан Берзетти, лейтенант де Ла Тур (180 руб.), рядовой Карвис (40 руб.). Пленные офицеры писали в основном в Санкт - Петербург, обращаясь к придворному банкиру Ралю и сардинскому посланнику графу Местру с просьбами о денежных займах^{xi}.

Пленные использовались властями в различных работах по благоустройству города, а также по найму. Шестеро благонадежных французов служили в астраханской пожарной команде «при инструментах и лошадях»^{xii}.

Кроме уже описанных в предыдущей работе происшествий, связанных с нарушением закона, особо выделяются следующие два, 3 (15) августа 1813 г. в Черном Яру пленные офицеры, прогуливаясь по городу, отмечали день рождения Наполеона. Двое из них — лейтенанты голландец Бернар Сток и француз Жан-Антуан Гренье — сидели на берегу Волги. Проходящий мимо мещанин Тимофей Русаков бросил камень в их сторону и попал в голову Гренье, чем «причинил ему контузию». Обиженные офицеры бросились вдогонку за убегающим Русаковым, чтобы отвести его в полицию. У дома канцеляриста Михаила Беднякова они нагнали Русакова, порвав ему при этом рубаху, но тут на шум вышли сам Бедняков и его сослуживец Николай Журавлев, которые стали отбивать Русакова у преследователей. Русакову удалось скрыться, а между оставшимися продолжилась драка, причем в ход был пущен нож. В результате у Беднякова оказалась резаная рана щеки, а у Стока — колотая рана ноги и изорванные панталоны. После противники явились к черноморскому городничему Усовскому и подали жалобы друг на друга. Дело было отправлено в Черноморский земский суд. В ходе следствия так и не было выяснено, кому принадлежал нож, причем если французы в своих показаниях были последовательны, то канцеляристы местами противоречили друг другу. Свидетели видели только погоню за Русаковым, а не саму драку, поэтому

не могли внести ясность в этот запутанный вопрос. Сложность в ход судебного процесса вносило и незнание французами русского языка, а в Черном Яру не было знатоков французского, поэтому с французов снимались письменные показания, отправлялись в Астрахань, а после получения перевода суд продолжался. В итоге он был закончен лишь в мае следующего года. Вина Стока и Гренье как зачинщиков драки доказана не была, поэтому они были освобождены из-под суда. Было учтено и трехнедельное пребывание их под арестом, и то что Сток тоже был ранен. Наказание их заключалось в испрашивании прощения перед судом у Беднякова и Русакова, что и было сделано через переводчиков, и об извещении о случившемся их начальства при освобождении. Получив решение суда, губернатор предписал черноморскому городничему включить Стока и Гренье в партию отправлявшихся домой^{xiii}.

Еще одно дело было связано уже с рядовыми. В начале июля 1814г. дворянский заседатель Астраханского земского суда Зимбилевский отправился в пригород Астрахани селение Карантинное, откуда крестьянская жена подала жалобу, что поставленный к ней на квартиру французский солдат требует от нее сметаны, молока, яиц, цыплят и прочего продовольствия, угрожая побоями. Зимбилевский стал призывать этого рядового воздержаться от таких поступков, но тот объявил, что кроме своих офицеров никому не хочет повиноваться. Заседатель, видя нетрезвость солдата, приказал посадить его под арест, за что получил удар в щеку, а когда Зимбилевский приказал задержать непокорного, все пленные, около 80 человек, окружили его, а один, ударив в лицо и схватив за волосы, свалил на землю. От дальнейшей расправы чиновник едва освободился при помощи жителей селения. Зимбилевский подал жалобу коллежскому асессору Жеребцову, назначенному сопровождать пленных, в ближайшее время отправляющихся домой, но тот не принял никаких мер. Потерпевший пожаловался губернатору, который приказал земскому исправнику Смоляникову найти виновных, тем более что в станице Дурновской одной женщине пленными уже были причинены побои, оставшиеся без наказания. Однако выяснилось, что партия уже покинула Карантинное. Вдогонку им был отправлен чиновник Русинов, который вместе с Жеребцовым определил виновных. Ими оказались французские рядовые Сокар и Пфекорн, которые были арестованы и под караулом возвращены в Астрахань. Следствие над ними продолжалось до декабря, когда они были освобождены по высочайшему манифесту о даровании прощения преступникам из военнопленных, не совершившим тяжёлые преступления^{xiv}.

Пленным предлагалось остаться в России и принять подданство. По Астраханской губернии такое желание выразили 36 человек, в том числе 26 поляков, четыре француза, три крещеных еврея в войсках Герцогства Варшавского, два голландца, один итальянец. Известно, что 18 пленных желали приписаться к мещанскому сословию. Сохранились упоминания о профессиях некоторых принявших подданство — четверо портных, три сапожника, два музыканта, один аптекарь и один типографщик^{xv}.

Освобождение военнопленных происходило по мере подписания договоров с европейскими государствами, вступающими в борьбу против Наполеона. Первыми Астраханскую губернию стали покидать пленные испанцы и пруссаки. В январе 1813 г. в Астрахани были собраны пять испанских рядовых и прусские штаб-лекарь Мильдо и 17 нижних чинов. В начале февраля первые были отправлены в Санкт-Петербург, а последние — в Ригу. По сообщению начальника Войска Донского атамана Денисова, один из пруссаков умер в дороге.

В июне 1813 г. в Белосток через Рязань отправились четыре саксонских рядовых. Тогда же, очевидно по именному указанию, губернию покинули поляки шеф эскадрона Жван и капитан граф Дрогаевский. Возможно, в начале 1814 г. в отечество был отправлен саксонский врач 2-го класса Вансович^{xvi}.

3 февраля 1814 г. было получено распоряжение об освобождении, в частности, голландцев из немецких земель и всех германцев через Белосток. В губернии в этот момент было: голландцев — три обер-офицера, 15 рядовых; германцев — пять рядовых. Позже к ним был присоединен для отправки в Радзивиллов австрийский подданный, рядовой французской службы Мали. 11 марта было получено еще одно предписание, в котором говорилось, что если голландцы еще не отправлены, отсылать их в Ригу. 16 мая в Белосток отправились генерал Тышкевич и шеф эскадрона Суминский^{xvii}.

1 июня в Астрахани было получено распоряжение об освобождении всех военнопленных. К этому времени в губернии находились: итальянцы — три обер-офицера, два рядовых, французы - один генерал, три штаб-, 24 обер-офицера, 87 нижних чинов, шесть женщин, голландцы французской службы — один

обер-офицер и один рядовой. Всего 128 человек. При получении этого распоряжения генерал Пельтье, лейтенанты Вежукс и Гранье и су-лейтенант граф де Люр Салос выразили желание ехать домой за собственный счет. 25 июня они с одним рядовым в сопровождении казачьего старшины Рябова отправились в Белосток. Рябов вернулся в середине сентября и передал губернатору письмо от Пельтье, в котором тот засвидетельствовал, что «старшина Рябов во время пути вел себя честно и скромно и обходился с пленными весьма вежливо». Об этом Андреевский сообщил командиру Астраханского казачьего полка генерал-майору Попову.

Остальные, кроме шефа батальона Херберта (возможно, больного) с денщиком и находящихся под судом двух французских рядовых, в начале июля выступили в путь под командованием коллежского асессора Жеребцова. Итальянцы следовали до Радзивиллова, остальные — до Белостока. Вскоре умершего в дороге Жеребцова сменил титулярный советник Розин, который в рапорте от 6 ноября сообщил о прибытии в Белосток одного штаб-, 15 обер-офицеров, 81 нижнего чина и шести женщин. Из его более раннего рапорта известно, что один рядовой утонул в Доне при стирке одежды^{xviii}. С учетом оставленных в Радзивиллове итальянцев, неизвестна судьба еще одного штаб- и семи обер-офицеров.

Освобождение поляков проходило с сентября по декабрь 1814 г., когда в трех партиях в Белосток отправились 604 нижних чина и 14 женщин, очевидно с пятью детьми. В третьей партии следовали и французы шеф батальона Херберт с денщиком и освобожденными из-под суда рядовыми Сокаром и Пфекорном. Возможно, с этой партией отбыл и вахмистр прусского гусарского полка Соколовский, находившийся под арестом за побег и освобожденный по высочайшему повелению^{xix}.

Последними пленными в Астраханской губернии в июне 1815 г. оставались поляки П. Бобинский и Ю. Задорожский, а также француз Л. Жозеф. Первый находился в больнице, а последние — в услужении частных лиц^{xx}.

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ Хомченко С.Н. Военнопленные поляки в Астраханской губернии в 1812—1814гг.// Отечественная война 1812 г.: Источники. Памятники. Проблемы. М., 2006.

ⁱⁱ Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 334. Л. 2об. 151, 252об., 277об.; Оп. 13, Д. 53. Л. 15об.

ⁱⁱⁱ ГААО. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 1519. Л. 39об.; Оп. 4. Т. 1. Д. 21. Л. 7-16; Оп. 13. Д. 53. Л. 1-27об.

^{iv} Там же. Оп. 3. Т. 2. Д. 1166. Л. 44; Оп. 4. Т. 1. Д. 185. Л. 1-2. Оп. 13. Д. 53. Л. 29 об.- 77об. Хованский Н.Ф. Участие Саратовской губернии в Отечественной войне 1812г. Саратов, 1912. С. 230-232, 234-236.

^v ГААО. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 334. Л. 264-266; Д. 1530. Л. 21; Оп.4. Т. 1. Д. 184. Л. 1 – 5 об. Chuquet A. 1812. La guerre de Russie. P., 1912. Vol. I. P. 108 – 109.

^{vi} ГААО. Ф. 1. Оп. 3; Т. 2. Д. 1530. Л.1об.

^{vii} Там же. Д. 1506. Л. 1-9, 58.

^{viii} Там же. Оп. 4. Т. 1. Д. 21, Л. 7-21; Оп. 10. Д. 979. Л. 1-4; Ф. 484. Оп. 1. Д. 3. Л. 3, 6, 28.

^{ix} Там же. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 1498. Л. 2,6.

^x Там же. Д. 1166. Л. 31-32об.; Оп.4. Т. 1. Д. 285. Л. 1-5 *Sain –Hilaire, Emile Marko de*. Histoire de la campagne de Russie pendant l'annee 1812: et de la captivite des prisonniers francais en Sibirie et dans les autres provinces de l'empire, precede d'un resume de l'histoire de Russie. P.; Geneve, 1864. Т. 2. P. 605 – 608.

^{xi} Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 579. № 1822. ГААО. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 1505. Л. 75; Д. 1530. Л. 15, 16, 19, 20,24, 41; Оп. 4. Т. 1. Д. 170. Л. 1; Д. 492. Л. 1; Д. 518.

^{xii} ГААО. Ф. 1. Оп.4. Т. 1. Д. 165. Л. 96.

^{xiii} Там же. Л. 13,20,25,74-77,158; Ф. 13. Оп. 1.Т. 17. Д. 26603. Л. 1-7; Т. 18. Д. 28186. Л. 1-7.

^{xiv} Там же. Ф. iv Оп.4. Т. 1. Д. 165. Л. 121, 124; Д. 179. Л. 1-6, 8; Ф. 13. Оп. 1.Т. 18. Д. 28365. Л. 1.

^{xv} Там же. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 1530. Л. 58-59,114об.; Оп.4. Т. 1. Д. 515. Л. 14; Д. 516. Л. 2-6, 14; Д. 550. Л.1; Оп. 10. Д. 941. Л. 15, 17, 53, 57, 75.

^{xvi} Там же. Оп. 3. Т. 2. Д. 334. Л. 247; Д. 985. Л. 15; Д. 1505. Л. 79; Д. 1508. Л. 7-15; Д.1519.Л.1,39,49об.

^{xvii} Там же. Д. 1530.Л. 11-12 об., 88; Оп.4. Т. 1.Д.296.Л. 1,3,5,15 об., 21.

^{xviii} Там же. Оп. 3. Т. 2. Д. 1530; Л. 103 об.; Оп. 4. Т. 1. Д. 165. Л. 1, 37, 43, 50, 93, 128-131 об., 196, 289.

^{xix} Там же. Оп. 3. Т. 2. Д. 1096. Л. 26, 37об., 85,87,90,118, 121, 205; Оп. 4. Т. 1. Д. 264. Л. 73 об., 114,146, 226, 227, 238.

^{xx} Там же. Оп. 4. Т. 1. Д. 1144. Л.9.